Г 120
1657

1120
1657

«Свободный народъ».

№ 21.

Н. И. ТИМКОВСКІЙ.

Свобода, равенство, братство.

МОСКВА,
Тип. „Надежда“ К. Муратова съ Бр-мъ. Тел. 306-38.
1917 г.

Г120
1657

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 28431 1976 г.

Свобода, равенство, братство.

I.

Свобода.

Въ Кіевѣ, во время еврейскаго погрома въ октябрѣ 1905 года, хулиганы грабили посудный магазинъ. Подходятъ къ нимъ другіе хулиганы и спрашиваютъ:.

— Ну, что? Какъ?

— Ничего,—свобода,—отвѣчаютъ грабители.

Такъ поняли въ дни первой русской революціи свободу кіевскіе и другіе хулиганы, думающіе только о томъ, какъ бы поживиться на счетъ своего ближняго. „Свобода", по ихъ мнѣнію, это значитъ: грабь, расхищай, насильничай, жги, убивай—и „ничего тебѣ за это не будетъ"!

— Бѣда съ этой свободой!—говорилъ мнѣ московскій извозчикъ.—Боишься по вечерамъ ѣздить; того гляди, раздѣнутъ донага! Вотъ оно, что значитъ, свобода-то!

Немудрено, что кое-кто изъ мирныхъ обывателей опасался тогда „свободы", имъ казалось, что безъ „этой свободы" было больше порядка и безопасности.

— А вотъ какъ началась свобода, того и гляди, что тебя обворуютъ, либо пристукнутъ!—слышалъ я какъ-то въ вагонѣ отъ крестьянъ.

Говорятъ такъ о свободѣ и теперь въ дни великой побѣдной революціи нѣкоторые люди. Но они только показываютъ своими рѣчами, что не понимаютъ вовсе, что такое свобода.

То, что они называютъ „свободой", есть въ дѣйствительности вовсе не свобода, а произволъ, насиліе, злоупотребленіе безаконіе.

Свобода--это вовсе не значитъ: „дѣлай, что тебѣ вздумается, дави ноги своимъ ближнямъ или клади ноги на столъ, да еще на чужой“: все это не свобода, а просто необузданность, нахальство, грубая безцеремонность.

Свобода есть отнюдь не беззаконіе, а прежде всего —**строгая и безпристрастная законность**

Когда въ странѣ есть политическая свобода, тогда править въ ней не грубая сила, не палка, не своеволіе начальника, а **законъ**, установленный выборными отъ всей страны людьми, законъ, передъ которымъ всѣ равны. Такой законъ существуетъ для защиты честныхъ людей и для острастки безчестнымъ. При такомъ законѣ всякій можетъ дѣлать и говорить смѣло все то, что не приноситъ вреда его согражданамъ, а если покажется, что его слова и поступки вредны, то это разсудитъ судъ, составленный изъ равныхъ ему гражданъ, и судъ этотъ будетъ судить только по закону, одинаковому для всѣхъ. Когда въ странѣ существуетъ такой законъ, тогда въ ней бываетъ и настоящій **порядокъ**, прочный и справедливый, полезный для честныхъ людей и неудобный только для самодуровъ и озорниковъ. Слѣдовательно, свобода есть **порядокъ, основанный на равномъ для всѣхъ законѣ, который защищаетъ каждаго отъ произвола и насилія, откуда бы этотъ произволъ и насиліе ни исходили.**

До сихъ поръ у насъ такого закона и такой политической свободы не было. Приходилось бояться не законовъ а начальниковъ и всякихъ сильныхъ людей; начальники же и вообще сильные люди мало боялись закона („что мнѣ законы? мнѣ судьи знакомы!“) и потому могли, при желаніи, безчинствовать, какъ имъ вздумается. Если обидчикъ оказывался властнымъ, то сыскать правду на немъ было трудно Что, напримѣръ, могъ сдѣлать крестьянинъ съ земскимъ начальникомъ или становымъ, если они поступили съ нимъ не по закону?

Только дѣйствительная политическая свобода способна оградить слабаго отъ сильнаго, безпомощнаго—отъ властнаго и знатнаго. Поэтому политической свободы долженъ особенно желать и добиваться всякій, кто натерпѣлся отъ беззаконія и произвола насильниковъ.

И, наоборотъ, свобода должна пугать тѣхъ, которые извлекали выгоды изъ беззаконія, насилія и изъ политическаго рабства трудящихся массъ. Вотъ эту-то дѣйствительную политическую свободу и хотятъ теперь учредить въ Россіи. Она требуетъ прежде всего чтобы была уничтожена власть беззаконія, ибо беззаконіе есть злѣйшій

врагъ свободы и всякаго истиннаго, справедливаго порядка.

Представимъ теперь, что беззаконіе уничтожено, что въ Россіи введена политическая свобода. Станутъ ли тогда всѣ ея граждане вполнѣ свободными людьми?

Если одни, какъ мы сказали выше, боятся свободы смѣшивая ее съ произволомъ, то другіе, напротивъ, видятъ въ ней избавленіе чуть не отъ всѣхъ золъ.

Эти „другіе“ тоже ошибаются; одна политическая свобода не сдѣлаетъ людей вполнѣ свободными и независимыми. Исторія и современная жизнь показываютъ намъ что человѣкъ, будучи политически свободнымъ, можетъ въ то же время оставаться рабомъ капитала. Такъ это происходитъ напримѣръ, въ Англіи, Америкѣ и другихъ свободныхъ странахъ, гдѣ политическая свобода идетъ рука объ руку съ ужаснымъ имущественнымъ неравенствомъ. Богач-капиталистъ можетъ держать у себя въ кулакѣ цѣлый округъ. Цѣлая армія безработныхъ готова продать свой трудъ и здоровье кому угодно и за какую угодно цѣну. Ты можешь быть такимъ же полноправнымъ гражданиномъ, какъ любой графъ или баронъ, ты можешь быть равенъ передъ закономъ со всѣми богачами-милліонщиками, но какая тебѣ въ томъ радость, если тебѣ нечего ѣсть, если твоя жена и дѣти болѣютъ и истощаются отъ нужды?

Такимъ образомъ у свободы есть два страшныхъ врага: произволъ правительства и власть капитала. Съ первымъ врагомъ наиболѣе просвѣщенныя государства умѣютъ бороться и справляться: тамъ правятъ выборные отъ всей страны и стоятъ на стражѣ одинаковаго для всѣхъ закона. Но второй врагъ свободы — капиталъ, деньги—и тамъ еще не побѣжденъ: онъ и тамъ часто душитъ человѣка, унижаетъ его, заставляя продавать за кусокъ хлѣба все, что только можно продать—вплоть до своей чести и совѣсти.

Но представимъ, что человѣкъ политически свободенъ да къ тому же и состояніемъ мало-мальски обезпеченъ; ему нѣтъ необходимости продавать себя за кусокъ хлѣба и унижаться передъ богачами. Будетъ ли онъ **дѣйствительно свободнымъ и независимымъ**? Онъ можетъ быть такимъ, но можетъ и не быть.

Если одинъ продаетъ скрѣпя сердце свою душу и

тѣло за кусокъ насущнаго хлѣба, то другой способенъ съ легкимъ сердцемъ, продать себя просто за сладкій кусокъ, какъ библейскій Исавъ продалъ свое первенство за чечевичную похлебку.

Если какой-нибудь политически свободный и вовсе не бѣдный французскій гражданинъ станетъ выслуживатся передъ начальникомъ изъ-за ордена или теплаго мѣстечка, холопствовать передъ денежнымъ тузомъ, въ ожиданіи отъ него выгодъ, то ясно, что ни политическая свобода, ни экономическое благостояніе не дѣлаютъ еще, сами по себѣ, человѣка свободнымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Кто цѣнитъ сладкій кусокъ дороже своей свободы, кто готовъ льстить сильнымъ міра сего, чтобы съ ихъ помощью взобраться ступенькой повыше, тотъ никогда не будетъ свободнымъ, независимымъ

Тутъ человѣка порабощаетъ собственная нравственная слабость неустойчивость.

Не менѣе опасны и пути невѣжесгва, неразвитости.

Честный и добросовѣстный человѣкъ, равнодушный къ сладкимъ кускамъ и всякимъ орденамъ и отличіямъ, но неученый можетъ остаться весь свой вѣкъ въ умственномъ рабствѣ; онъ будетъ жить подъ игомъ суевѣрій, какъ трусъ, окруженный пугалами, повергающими его въ трепетъ; онъ будетъ опутанъ съ ногъ до головы сѣтями предразсудковъ и слѣпыхъ страховъ, всю жизнь будетъ брести въ темнотѣ, будетъ сбиваться и путаться, буденъ связанъ и порабщенъ своимъ невѣжествомъ.

Да, истинная свобода гораздо дальше отъ насъ и недоступнѣе, чѣмъ это кажется. Когда мы видимъ снѣговыя горы, намъ сдается, что онѣ совсѣмъ близко отъ насъ, и только тогда, когда мы послѣ долгихъ усилій доберемся до нихъ, намъ становится понятно, какое огромное разстояніе отдѣляло ихъ отъ насъ... Но и тутъ еще ихъ снѣговыя величественныя вершины продолжаютъ быть далекими отъ насъ, и рѣдко кому удается достигнуть ихъ могучихъ, теряющихся въ небѣ главъ.

Но если политическая свобода не дѣлаетъ еще насъ истинно свободными, то стоитъ ли хлопотать о ней и бороться за свои политическія права? Вотъ, напримѣръ, передъ нами рабочій или крестьянинъ. Онъ становится политически свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ

но ему нечего ѣсть, и онъ принужденъ идти въ кабалу къ фабриканту, помѣщику или къ своему брату мужику, міроѣду. А иной богачъ и безъ политической свободы можетъ чувствовать себя вездѣ господиномъ: однихъ купитъ, другихъ подкупитъ, третьихъ застращаетъ тѣмъ, что ему „судьи знакомы". Стало быть, дѣло не въ свободѣ, не въ правахъ, а въ деньгахъ? Такъ ли это?

Это, пожалуй, такъ, да не совсѣмъ. Политическая свобода помогаетъ бороться противъ власти капитала; она даетъ въ руки бѣдныхъ такія средства для борьбы, которыхъ у нихъ нѣтъ, если они не имѣютъ политическихъ правъ. При политической свободѣ рабочіе, крестьяне и, вообще, бѣдный трудящійся людъ имѣютъ право выбирать своихъ представителей, которые защищаютъ народные интересы и стараются завести законы, выгодные для трудящихся массъ. Это—первое. А второе: при политической свободѣ бѣдные могутъ объединяться въ союзы чтобы общими усиліями бороться противъ насилія капитала. Не будь этой свободы, имъ не дозволили бы устраивать союзы: пришлось бы бороться каждому въ одиночку, а одного человѣка сломать легко, какъ отдѣльный прутикъ.

Кромѣ того, для умѣлой и успѣшной борьбы рабочіе и крестьяне должны быть мало-мальски образованы; а народное образованіе можетъ быть устроено хорошо только тогда, когда въ созданіи законовъ и порядковъ, въ распредѣленіи государственныхъ доходовъ участвуютъ народные представители. Такъ какъ политической свободы у насъ до сихъ поръ не было, то и народное образованіе было всегда поставлено у насъ самымъ жалкимъ образомъ, и нашъ народъ отсталъ въ этомъ отъ заграничныхъ народовъ.

Пока нѣтъ политической свободы, народъ остается темнъ, разрозненъ и отстраненъ отъ управленія государственными дѣлами. Какъ же будетъ такой народъ бороться со страшною властью капитала? Ясное дѣло, что для него нужна прежде всего политическая свобода, т.-е. развязанныя руки. Участвуя черезъ своихъ выборныхъ въ государственномъ управленіи, народъ, конечно, постарается облегчить бремя налоговъ, непосильное теперь для него; онъ оградитъ закономъ свои интересы, которые теперь ничѣмъ не ограждены, подниметъ уровень народнаго образованія и употребитъ еще цѣлый рядъ мѣръ, которыя [illegible]

Мы уже видѣли выше, что политическая свобода сама по себѣ не въ силахъ дѣлать всѣхъ обезпеченными, не въ силахъ уничтожить огромныя богатства однихъ и вопіющую нищету другихъ, но важно то, что при свободѣ можно бороться съ успѣхомъ противъ ужасающаго экономическаго неравенства, а безъ свободы—нельзя.

Теперь предположимъ, что вы махнули рукой на политику и на всякую общественную борьбу. Вы разсуждаете такъ: „если каждый изъ насъ станетъ лучше, честнѣе, умнѣе, то и все, вся наша жизнь станетъ хорошей, свѣтлой, справедливой; если мы хорошо воспитаемъ и просвѣтимъ людей, то и безъ политики все само собою устроится какъ нельзя лучше". И вотъ идете на фабрику или въ деревню, чтобы принести туда свѣтъ знанія, подѣлиться съ народомъ нужными для него свѣдѣніями. Но васъ не пускаютъ туда, берутъ васъ подъ подозрѣніе; вамъ ставятъ тысячи препятствій, преслѣдуютъ ваши книги, бесѣды, ваши школы, васъ самихъ. И куда бы вы ни пошли,—передъ вами стоитъ шлагбаумъ: губернаторъ исправникъ, земскій начальникъ, директоръ, попечитель, архіерей и т. д. до безконечности. Вамъ становится ясно, что, пока нѣтъ свободы, дѣло истиннаго просвѣщенія невозможно. И вотъ вы, начавъ съ того, что отмахнулись обѣими руками отъ политики, кончается тѣмъ, что невольно упираетесь въ нее, какъ въ стѣну.

Высшей, т.-е. **нравственной**, свободы сама по себѣ политическая свобода не можетъ дать, но вмѣстѣ съ тѣмъ политическая свобода представляетъ собою первую необходимую ступень, на которую долженъ стать народъ, если онъ уважаетъ себя и хочетъ жить, а не пресмыкаться. Прежде чѣмъ говорить о высшей свободѣ, надо сдѣлать, чтобы человѣкъ почувствовалъ себя **человѣкомъ** а не скотомъ безсловеснымъ. Прежде чѣмъ воспитывать въ немъ лучшія человѣческія чувства, необходимо позаботиться, чтобы не сажалъ его въ холодную капризъ начальника, чтобы не расправлялись съ ними кулаками и розгами, не волокли въ полицію и тюрьму безъ суда и слѣдствія...

Вѣдь когда люди сидятъ запертыми въ смрадномъ помѣщеніи, первое, что надо сдѣлать, это—отпереть дверь [illegible] на свободу". Не такъ ли?

II.

Равенство.

Рождаясь на свѣтъ Божій, всѣ дѣти, отъ княжескихъ до мужицкихъ, одинаково не имѣютъ за собой никакой вины и никакой заслуги. Но уже съ перваго дня рожденія одни окружены всѣми заботами и удобствами а другія оказываются въ тесноть, грязи, голодѣ и холодѣ. И дальше идетъ такъ же: однихъ берегутъ, какъ зѣницу ока, кормятъ до отвалу, учатъ, ласкаютъ, пристраиваютъ на хорошія, удобныя мѣста; другихъ держатъ впроголодь, въ забросѣ: этихъ не учатъ, не балуютъ ласками, не окружаютъ удобствами, потому что сами родители ихъ перебиваются всю жизнь съ хлѣба на квасъ. И когда эти пасынки жизни вырастаютъ, жизнь ихъ не становится краше; въ то время, какъ другіе катаются въ экипажахъ живутъ въ свѣтлыхъ просторныхъ квартирахъ, эти несутъ тяжелый, вредный для здоровья трудъ, ютятся въ грязныхъ каморкахъ, питаются чѣмъ Богъ приведетъ... И такъ—вплоть до смерти, которая опять уравняетъ всѣхъ.

Откуда же возникаетъ такое обидное, возмущающее душу неравенство между людьми? Неужели существуетъ законъ, устанавливающій это безобразное неравенство? Неужели всегда и вездѣ такъ будетъ?

Наша совѣсть, состраданіе и чувство справедливости—все побуждаетъ насъ найти враговъ равенства вступить въ борьбу съ ними не на животъ, а на смерть и вырвать изъ ихъ рукъ власть, унижающую человѣка.

Кто же они, эти враги?

Первымъ врагомъ, съ которымъ труднѣе всего бороться, оказывается сама природа: она создаетъ здоровыхъ и болѣзненныхъ, сильныхъ и слабыхъ, красивыхъ и уродливыхъ, даровитыхъ и безталанныхъ. Первая несправедливость лежитъ въ самой природѣ!.. У родителей, ненадорванныхъ непосильнымъ трудомъ, живущихъ здоровой, спокойной, сытою жизнью, родятся здоровыя дѣти; а у людей, задавленныхъ тяжкой работой, нуждой, истощенныхъ лишеніями и заботами, рождаются хилыя

дѣти. Природѣ нѣтъ дѣла до того, что сытые родители часто бываютъ сыты и здоровы за счетъ другихъ, несущихъ каторжный трудъ. Развѣ это не вопіющая, не жестокая неправда?

Мы не можемъ въ корень измѣнить природу; слѣдовательно, не можемъ уничтожить совершенно эту ея несправедливость, этотъ постоянный источникъ оскорбительнаго неравенства между людьми. Всегда будутъ одни умнѣе отъ природы, другіе — глупѣе, одни—сильнѣе, другіе—слабѣе, и такъ далѣе.

Но мы можемъ смягчить, сгладить это неравенство. Было время (да и теперь еще не прошло), когда люди смотрѣли на обиженныхъ природой, какъ на на отверженныхъ. Древніе спартанцы [1]) даже убивали всѣхъ слабосильныхъ, хилыхъ дѣтей, сбрасывали ихъ съ высокой скалы Но это—величайшая несправедливость... Хилыхъ можно выходить, воспитать, они могутъ стать умными, полезными людьми. Въ исторіи есть много примѣровъ, какъ изъ такихъ хилыхъ дѣтей выходили таланты и геніи.

Но самый вѣрный путь для борьбы съ слѣпой несправедливостью природы—это измѣненіе и улучшеніе порядковъ, господствующихъ въ жизни, о чемъ мы скажемъ ниже.

Кромѣ природы, есть еще врагъ равенства. Это—случай.

Всѣ мы знаемъ, какими случайностями обставлена жизнь и дѣятельнобть каждаго: для одного обстоятельства складываются благопріятно, для другого—гибельно. Одному, какъ говорится, „везетъ", у другого—неудача за неудачей! Нерѣдко бываетъ, что дураку везетъ счастье, а на умнаго валится бѣда за бѣдой, беззаботный лѣнтяй „попадаетъ въ случай", а честный труженикъ всю жизнь бьется, какъ рыба объ ледъ,—и все ничего не выходитъ. Сгорѣла у крестьянина изба, пала скотина, еще какой-нибудь несчастный случай,—и вотъ умный, работящій хозяинъ идетъ въ батраки или просто по міру съ сумой. Разорился купецъ,— и сталъ нищимъ. Заболѣлъ тяжелой болѣзнью работникъ, потерялъ силу,—и все пошло прахомъ. Обѣдняли, по несчастной случайности,

1) Древній греческій народъ.

родители, имъ не на что стало воспитывать дѣтей,—и вотъ дѣти обречены оставаться на всю жизнь неучами. А тутъ же рядомъ какой-нибудь тунеядецъ выигрываетъ въ лотерею большія тысячи или получаетъ вдругъ богатое наслѣдство—и живетъ себѣ бариномъ. Нельзя перечислить всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ случайностей, которыя однихъ вдругъ поднимаютъ кверху, а другихъ, ни съ того, ни съ сего, опрокидываютъ въ грязь.

Мы не въ силахъ уничтожить совершенно слѣпую власть случая, но можемъ въ значительной степени защитить человѣка отъ несчастныхъ случайностей, не дать ему погибнуть по волѣ одного какого-нибудь печальнаго случая. Для этой защиты устроено страхованіе отъ пожаровъ и нѣкоторыхъ другихъ несчастныхъ случайностей, образованы кое-гдѣ кассы взаимопомощи, бюро для пріисканія работы и прочее. Но всего этого мало: человѣкъ продолжаетъ висѣть на волоскѣ и, разъ оборвется, ему трудно бываетъ встать на ноги. Потерялъ случайно мѣсто, весь прожился, заложился,—смотришь, попалъ въ ночлежный домъ, на церковную паперть или въ тюрьму за воровство; а вѣдь раньше былъ хорошимъ работникомъ!

Когда люди объединятся хорошенько между собою въ разные союзы и общества, тогда человѣкъ перестанетъ висѣть на волоскѣ, потому что каждый будетъ за всѣхъ а всѣ за каждаго. Тогда не страшно будетъ потерять временно заработокъ или заболѣть тяжелой, продолжительной болѣзнью: общество поддержитъ тебя и твою семью и не дастъ тебѣ спуститься въ ряды нищихъ или оборванцевъ.

Итакъ, если нельзя вырвать съ корнемъ всѣ неравенства, порождаемыя слѣпой природой и слѣпымъ случаемъ, то вполнѣ возможно ослабить и смягчить ихъ: общія, дружныя и разумныя усилія людей могутъ сдѣлать многое, гораздо больше, чѣмъ мы это въ состояніи теперь представить.

Третій врагъ равенства—это **несправедливые порядки**, устроенные самими людьми. Если сами люди завели ихъ, то они же могутъ перемѣнить ихъ на болѣе справедливые. И они должны сдѣлать это.

Нельзя равнодушно смотрѣть, какъ бокъ о бокъ съ нами живутъ деспоты и рабы, бѣлая и черная кость,

люди, которымъ все позволено, и люди, которымъ ничего не позволено. Нельзя проходить спокойно мимо этой громадной несправедливости.

Рождаясь, ребенокъ имѣетъ естественное право на все то, на что имѣютъ право другія дѣти. А на дѣлѣ что выходитъ? Не успѣлъ ребенокъ родиться, какъ у него прежде всего отнимаютъ мать: подъ гнетомъ нужды она нерѣдко бываетъ принуждена бросить своего ребенка и уйти куда-нибудь на заработки, поступить въ прислуги, наняться въ кормилицы или няньки къ чужому ребенку. Ея собственный младенецъ остается безъ призора, безъ материнскаго молока и сосетъ жеванный хлѣбъ въ грязной тряпицѣ, а она тѣмъ временемъ отдаетъ свое молоко и свои заботы чужому ребенку.

Но вотъ ея родной ребенокъ вырастаетъ кое-какъ на жеванномъ хлѣбѣ. Его еще отъ земли не видно, ему бѣгать бы да играть да сказки слушать,—а на него ужъ взваливаютъ работу, съ него строго взыскиваютъ, какъ съ взрослаго.

Потомъ—ему бы учиться, а ему некогда или не въ чемъ ходить въ школу... или даже и школы-то поблизости нѣтъ. Хорошо еще, если съ грѣхомъ пополамъ читать—писать выучится, а то такъ и вовсе остается неграмотнымъ.

Вырастетъ, пойдетъ на фабрику или въ солдаты или сдѣлается ремесленникомъ,—и нигдѣ ему хода нѣтъ! Какой смышленный и прилежный ни будь, ему все плохо, потому что нѣтъ у него ни образованія, ни средствъ. Обращаются съ нимъ грубо, говорятъ ему „ты“, ругаютъ его походя,—и все потому, что онъ мужикъ, а у насъ еще многіе не привыкли видѣть въ мужикѣ человѣка.

Спрашивается: какъ же мы смѣемъ отнимать у людей то, въ чемъ не отказала имъ природа? Съ какой стати мы будемъ ставить для нихъ препятствіи тамъ, гдѣ другихъ пропускаютъ безпрепятственно? Мы не имѣемъ права лишать ихъ возможности достичь того, чего они, по своимъ природнымъ способностямъ, хотятъ и могутъ достигнуть. Справедливость требуетъ, чтобы сняты были заставы, въ которыя однихъ впускаютъ, а другихъ нѣтъ: пусть всякій входитъ, пусть каждый принимаетъ участіе въ общей жизни! Остальное рѣшатъ природныя свойства каждаго, его трудъ, добросовѣстность, умѣнье. Впереди долженъ итти не тотъ, кто родился знатнымъ или для кого бабушка ворожитъ, а тотъ, кто родился умнымъ и не зарылъ своего таланта въ землю. Если, напримѣръ,

сынъ богатыхъ родителей окажется къ ученью тугъ, а сынъ бѣдняка—способнымъ къ наукѣ, то перваго лучше обучить какому-нибудь незатѣйливому ремеслу, а второму дать средства, чтобы онъ могъ получить высшее образованіе.

Вѣдь равенство заключается не въ томъ, чтобы всѣ были совершенно одинаковы и похожи другъ на друга, какъ мѣдные пятаки. Это невозможно, потому что люди—не мѣдные пятаки, а каждый—на свой ладъ. Это было бы и несправедливо: нельзя одинаково цѣнить умнаго и неумнаго, работящаго и лѣнтяя. Да если бы и удалось установить такое равенство, оно продержалось бы одну минуту: сейчасъ бы стала обнаруживаться разница между даровитымъ и бездарнымъ, между хорошимъ работникомъ и плохимъ, между трезвымъ и пьяницей. Равенство состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ были на одно лицо, а въ томъ, чтобы каждый имѣлъ право на все, соотвѣтствующее его способностямъ, и имѣлъ бы возможность пользоваться на дѣлѣ этимъ правомъ. Равенство въ концѣ концовъ есть **справедливость**, требующая прежде всего, чтобы всѣ были равны передъ закономъ, передъ судомъ, чтобы всѣ имѣли одинаковое право на трудъ, на образованіе, на участіе въ общей жизни; а кто окажется на дѣлѣ пригоднымъ, это должны рѣшить способности каждаго.

Вотъ въ чемъ заключается равенство которое, какъ это теперь всякому видно, связано неразрывно все съ тою же **политической свободой**, о которой говорили выше.

При политической свободѣ легко устроить справедливые порядки, а при лучшихъ порядкахъ легче бороться съ неравенствомъ, зіяющимъ теперь на каждомъ шагу.

Исправляя порядки, при которыхъ приходится жить людямъ, мы тѣмъ самымъ боремся даже противъ несправедливости природы и случая, обижающихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Вѣдь для того, чтобы дѣти не родились хилыми, больными, надо прежде всего чтобы родители вели болѣе или мѣнѣе здоровую жизнь, не были истощены голодомъ и непосильнымъ трудомъ. А это могутъ сдѣлать сами люди, устраняя вредные порядки и устраивая разумные, справедливые. Тогда не будутъ такъ страшны для человѣка ни природа, ни случай.

Многое, очень многое зависитъ отъ умѣнья и доброй воли самихъ людей!

III.

Братство.

Свободы хочетъ для себя каждый, въ комъ рабство не задушило окончательно живую душу. Какъ бы различно ни понимали люди свободу, всѣ желаютъ ея,— всякій, конечно, по своему. Даже совсѣмъ маленькій ребенокъ хочетъ свободно двигаться и не любитъ стѣсненій. Даже у животныхъ есть потребность къ свободѣ. Попробуйте посадить собаку въ первый разъ на цѣпь,— она будетъ страдать до тѣхъ поръ пока на отвыкнетъ отъ свободы, пока не привыкнетъ къ своей цѣпи и конурѣ. Попробуйте пріучить дикое животное,—вы увидите, какъ оно будетъ долго и упорно бороться за свою свободу Такимъ образомъ, желаніе свободы свойственно природѣ всякаго живого существа.

Нельзя сказать того же о равенствѣ.

Далеко не всѣ жаждутъ равенства. Къ нему стремятся обыкновенно тѣ, кто сами страдаютъ отъ неравенства, сами на своей шкурѣ чувствуютъ всю горечь и несправедливость его. Если подвластные требуютъ равенства, то властители чаще всего видятъ въ немъ незаконное и вредное домогательство. Въ самомъ дѣлѣ, какой расчетъ властнымъ и богатымъ людямъ добиваться всеобщаго равенства, когда они поставлены въ жизни выше другихъ?

Конечно, и среди нихъ есть люди, которые желаютъ равенства не потому, что оно имъ самимъ выгодно, а потому, что это нужно и выгодно для массы. Люди эти борются за общее равенство, повинуясь чувству справедливости и состраданія къ меньшому брату.

Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что искренно желаютъ равенства далеко не всѣ.

Что касается братства, то о немъ даже и говорятъ рѣдко; а если и говорятъ, то какъ-то глухо. Мы часто слышимъ слова „братіе“, „братцы“, „по-братски“, но за ними по большей части не скрывается никакихъ братскихъ чувствъ. Въ сутолокѣ жизни даже забываешь, что существуетъ такая хорошая вещь, какъ братство. Да и кто теперь серьезно думаетъ о возможности братство на землѣ?

Невольно начинаешь спрашивать себя: ужъ не пустой ли звукъ—это „братство“? Можетъ быть, оно никому

и не нужно? Можетъ быть, безъ него можно отлично прожить и даже не замѣтить его отсутствія въ жизни?

Представимъ себѣ, что люди устроили у себя превосходные порядки, всѣ сыты, свободны и неприкосновенны, воцарилось всеобщее равенство,—только одного не хватаетъ: нигдѣ и ни въ комъ нѣтъ ни проблеска, ни искры братскихъ чувствъ, теплаго участія, сердечной симпатіи, состраданія. Почувствуютъ ли люди этотъ пробѣлъ въ своей жизни? Вѣдь это все равно, если солнце будетъ свѣтить ярче прежнаго, а грѣть не будетъ. Какъ прожить безъ тепла?

Да и теперь каждый, въ комъ сердце не совсѣмъ еще загрубѣло, чувствуетъ иной разъ тоску и боль отъ того, что жизнь такъ немилосердно черства, что такъ мало въ ней теплыхъ лучей любви, братства, дружбы, сочувствія. Случается, что человѣкъ и самъ не понимаетъ, отчего ему такъ тошно жить; а тяжело ему потому, что онъ видитъ вокругъ себя грубость, взаимную вражду, взаимное недовѣріе, безучастіе, бездушіе. А это невыносимо для человѣческой души.

Кто изъ насъ не наблюдалъ, какъ иногда дорого бываетъ всякое, даже ничтожное проявленіе братскаго чувства, какъ оно скрашиваетъ жизнь? Когда среди безотрадной житейской лямки, среди тѣсноты и обиды блеснетъ вдругъ лучъ истиннаго человѣколюбія, тогда хоть на минуту почувствуешь, что „еще можно жить на свѣтѣ"! Даже въ томъ случаѣ, когда вы не въ силахъ помочь человѣку въ его бѣдѣ, ужъ одно то, что вы искренно погорюете вмѣстѣ съ нимъ, пожалѣете его,—можетъ принести ему облегченіе. Вѣдь братство и заключается прежде всего въ томъ, чтобы чувствовать душу другого горевать вмѣстѣ съ нимъ его горемъ и радоваться его радостью. Безъ этой способности чувствовать душу другого всѣ были бы страшно одиноки и чужды другъ другу, какъ деревья, растущія каждое отдѣльно, какъ камни, разбросанные по пустынѣ.

Но если въ природу человѣка глубоко заложена потребность любви и братства, сочувствія то почему же

ихъ такъ мало въ жизни людей,—несравненно меньше, чѣмъ вражды, безсердечія, зависти, злобы?

Это происходитъ прежде всего отъ нужды, отъ тѣсноты. Въ отчаянной борьбѣ за хлѣбъ, за жизнь къ людямъ становится не до братства, не до состраданія. Хоть и существуетъ поговорка: „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“, но большею частью бываетъ, что гдѣ тѣсно и бѣдно, тамъ и обида. Когда людямъ приходится грызться между собой изъ-за куска насущнаго хлѣба, какъ голоднымъ собакамъ —изъ-за кости, тогда какія ужъ братскія чувства? Сплошь и рядомъ нужда застаяляетъ отца съ матерью глядѣть на собственныхъ дѣтей, какъ на лишніе рты; о чужихъ въ этомъ случаѣ и говорить, конечно, нечего!

Посмотримъ, напримѣръ, что производитъ земельная тѣснота крестьянъ? Сколько изъ-за нея бываетъ сваръ, ожесточенія, зависти, ненависти, злыхъ мыслей, словъ и дѣйствій! А недостатокъ заработка у рабочихъ, когда они сбиваютъ другъ другу цѣну и злобятся за это другъ на друга и смотрятъ на каждаго ищущаго работы, какъ на врага, который можетъ отнять у нихъ кусокъ? А тѣснота въ курныхъ избахъ, подвалахъ и коморкахъ, гдѣ гнѣздятся многочисленныя семьи бѣдняковъ, сидя чуть не на носу другъ друга, на дѣтей сыпятся тумаки и бранные окрики... Тѣснота и обида!

Нужда дѣлаетъ то, что бѣднякъ, добрый и жалостливый по природѣ, зачастую **поневолѣ** грубѣетъ и черствѣетъ. И какъ мы будемъ говорить ему о братствѣ, если онъ голоденъ и оборванъ, если всѣ мысли у него сводятся къ тому, какъ бы прокормиться съ семьей, какъ бы не остаться безъ одежи, безъ квартиры и не замерзнуть на улицѣ? Если онъ иной разъ окажется участливѣе, сострадательнѣе, чѣмъ люди не бѣдные, то можно только удивляться его рѣдкому человѣколюбію.

Когда въ жизни трудящагося народа будетъ больше благосостоянія и простора, тогда добрѣе и человѣчнѣе будутъ тѣ, которыхъ теперь ожесточаетъ нужда. А это можетъ быть и должно быть: можно устроить жизнь такъ, что не будетъ ни крайней бѣдности, ни тѣсноты. Вѣдь тѣсно не оттого, что людямъ не хватаетъ мѣста на свѣтѣ, а оттого, что одинъ захватилъ себѣ слишкомъ много простора, оставя на долю другимъ одну тѣсноту; и еще оттого, что сами люди часто безъ надобности тѣснятъ другъ дружку и безъ нужды портятъ одинъ другому жизнь. И крайняя нужда происходитъ не потому, что людей на свѣтѣ слишкомъ много, а пищи и всего необ

ходимаго слишкомъ мало,—нѣтъ, и пищи и всего другого, что нужно для жизни, хватило бы на всѣхъ; вся бѣда въ томъ, что у однихъ—слишкомъ густо, а у другихъ—пусто, одни ведутъ праздную жизнь, а другіе работаютъ сверхъ силъ, одни пресыщены, другіе живутъ впроголодь. Здѣсь безобразятъ жизнь прежде всего уродливые порядки. Порядки можно исправить; можно достигнуть того, чтобы людямъ жилось не такъ бѣдно и не такъ тѣсно: тогда смягчится и взаимная вражда изъ за куска хлѣба, дѣлающая теперь многихъ добрыхъ людей недобрыми.

Не одна злая бѣдность является помѣхой для братскихъ отношеній между людьми. Если бы это было такъ, то всѣ мало-мальски обезпеченные должны были бы жить по-доброму. Однако мы этого не видимъ. Среди богатыхъ нѣтъ тѣсноты, но обиды, вражды, зависти, безсердечія—сколько хочешь. И даже такъ бываетъ: чѣмъ больше богатѣетъ человѣкъ, тѣмъ жаднѣе и безсердечнѣе становится. Сердце его точно заплываетъ жиромъ и дѣлается глухимъ и слѣпымъ ко всему, кромѣ наживы. Онъ держится въ сторонѣ отъ своихъ бѣдствующихъ, трудящихся, живущихъ въ черномъ тѣлѣ собратій и смотритъ на нихъ съ пренебреженіемъ, какъ на низшія существа. Другой—богачъ,—можетъ быть, и добрый человѣкъ, да у него такъ много своихъ интересовъ, удовольствій, развлеченій и всякой суеты, что не остается времени на бѣдняковъ. Вотъ почему бѣдняку иной разъ скорѣе поможетъ свой же братъ, бѣднякъ, по себѣ знающій, что такое нужда.

Значитъ, нельзя думать, что если мы уничтожимъ нужду и тѣсноту, то всѣ сейчасъ же станутъ добрыми и человѣколюбивыми. Добрѣе и благороднѣе станутъ тѣ, которымъ единственно нужда мѣшаетъ быть такими, отнимая у нихъ всѣ силы на безпощадную борьбу за кусокъ хлѣба.

Но вѣдь такихъ людей—множество: сдѣлайте жизнь ихъ получше, посвѣтлѣе,—и вы увидите, какъ выплывутъ на свѣтъ ихъ лучшія человѣческія чувства, искажаемыя теперь неустанно грызущими заботами и тяжкими лишеніями.

Но не одна нужда уродуетъ человѣка: много значитъ и воспитаніе. Если его съ дѣтства бьютъ и ожесточаютъ, въ немъ невольно накопляется запасъ вражды и злобы, и часто онъ вымещаетъ потомъ свои дѣтскія обиды на совершенно невинныхъ людяхъ. Онъ обижаетъ и бьетъ другихъ потому, что раньше самого его обижали и били. Въ подмастерьяхъ мальчика оскорбляютъ грубымъ обращеніемъ,—и вотъ онъ, сдѣлавшись самъ мастеромъ, тиранитъ точно такъ же своихъ учениковъ. Родители чаще всего по невѣжеству колотятъ своихъ дѣтей (не подозрѣвая, что дѣти бываютъ упрямы или лѣнивы вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни или изъяна, которые только ухудшаются отъ побоевъ); а дѣти вырастая, начинаютъ въ свою очередь колотить и мучить всѣхъ, кто послабѣе. И такъ идетъ отъ одного поколѣнія къ другому, отъ дѣдовъ —къ отцамъ и отцовъ—къ внукамъ.

А еще больше, чѣмъ воспитаніе, дѣйствуетъ сама жизнь. Всѣмъ извѣстно, что примѣры сильнѣе всякихъ поученій, а жизнь даетъ намъ на каждомъ шагу столько образчиковъ бездушія, обмана, звѣрства, что человѣческое сердце само невольно заражается злыми чувствами или покрывается черствой коркой. То безумно-жестокая, безсмысленная война, то дикая расправа надъ правыми и виноватыми безъ разбора, то беззастѣнчивая власть кулака или рубля—все это портитъ, развращаетъ, озлобляетъ людей, иногда незамѣтно для нихъ самихъ.

Если дѣтей портитъ грубое воспитаніе, то взрослыхъ, которые воспитываютъ ихъ, портитъ сама жизнь, сложившаяся такъ, что въ ней царитъ безучастіе, взаимное недовѣріе и взаимная вражда. Жизнь вообще искажаетъ человѣка, дѣлая его глупѣе и хуже, чѣмъ онъ могъ бы быть; а наша современная русская жизнь особенно зловредна въ этомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы могли видѣть образчики хоть мало-мальски братскихъ отношеній? Въ прежнемъ нашемъ правительствѣ? Но оно вѣчно держало надъ нашими головами палку; оно только требовало, грозило, насильничало, и казнило, пока наконецъ, ненавидимое всѣми, не было выброшено вонъ. Въ духовенствѣ? Но мелкое духовенство само борется съ нуждой и думаетъ о томъ, какъ бы прокормить, воспитать и вывести въ люди сво-

ихъ многочисленныхъ дѣтей; высшее же духовенство ѣздитъ въ каретахъ цугомъ и занимается своими безчисленными церковными дѣлами и дрязгами, а насиліе и злобу старыхъ властей оно всегда только поддерживало и благословляло.

Мы видимъ, какъ масса богатыхъ и знатныхъ людей продолжаютъ жить въ свое удовольствіе въ то время, какъ сотни, тысячи, десятки тысячъ истощаются и мрутъ отъ голода, отъ губительнаго для здоровья труда, отъ цѣлаго ряда несчастныхъ случайностей, которыми бываетъ полна ихъ жизнь. Конечно, и среди правительства, и духовенства, и богатыхъ, и знатныхъ всегда попадаются добрые, участливые люди, болѣющіе сердцемъ за своихъ обездоленныхъ собратій, но они затериваются въ толпѣ равнодушныхъ и недобрыхъ,—затериваются потому, что всѣхъ подгибаетъ подъ себя общій бездушный порядокъ жизни, въ которомъ братству не отведено мѣста.

Есть не мало образованныхъ людей, любящихъ народъ и готовыхъ постоять за правду; но одни изъ нихъ истратили всѣ силы на неравную борьбу съ бездушнымъ порядкомъ и устали душой; другіе въ одиночку боролись и въ одиночку погибали въ тюрьмахъ и ссылкахъ; третьихъ отдѣляетъ отъ народа цѣлая пропасть, черезъ которую трудно перешагнуть.

Революція нанесла тяжкій ударъ старымъ порядкамъ. Но они не могутъ уйти сразу изъ жизни. Они остаются въ нашихъ привычкахъ, въ нашихъ старыхъ повадкахъ, въ неправдѣ, неравенствѣ богатыхъ и бѣдныхъ, въ нашей застарѣлой черствости и своекорыстіи. И старые порядки продолжаютъ дѣлать свое злое дѣло, оставляя массу въ нуждѣ, тѣснотѣ и обидѣ, поддерживая рабство однихъ и самодурство другихъ, убивая въ зародышѣ человѣческое достоинство и все, что облагораживаетъ людей, разжигая въ людяхъ человѣконенавистничество, враждебную подозрительность другъ къ другу и глухую, готовую на все злобу.

Наступитъ ли когда-нибудь торжество братства? Разольется ли оно когда-нибудь среди людей широкой, свѣтлой волной?

Мы говоримъ здѣсь не о томъ братствѣ, которое выражено въ словахъ: «Возлюби ближняго, какъ самого себя»... Нѣтъ, объ этомъ можно только мечтать для отда-

леннаго будущаго. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ добрыя чувства, которыя и сейчасъ встрѣчаются въ жизни. Мы видимъ, какъ они вспыхиваютъ то тамъ, то сямъ, словно блестящія искры въ темнотѣ. Есть тысячи случаевъ, остающихся неизвѣстными, когда люди, движимые братскимъ чувствомъ, помогаютъ, утѣшаютъ, спасаютъ, кормятъ голодныхъ, одѣваютъ раздѣтыхъ, даютъ пріютъ бездомовнымъ, страдаютъ за другихъ, жертвуютъ собой, своими выгодами, даже своею жизнью. Часто случается намъ узнавать изъ газетъ о несчастіяхъ, постигшихъ совсѣмъ чужихъ для насъ людей; пусть эти люди живутъ очень далеко отъ насъ, пусть мы ихъ никогда не видали и не увидимъ,—но мы способны сострадать имъ въ ихъ горѣ и даже оказывать имъ посильную помощь. Такъ было, напримѣръ, во время англо-бурской войны, когда со всѣхъ концовъ міра летѣли къ отважнымъ бурамъ и сочувствіе, и денежныя средства, и даже добровольцы солдаты и офицеры.

Подобнымъ же образомъ сочувствовали мукамъ армянъ, избиваемыхъ турками, страшному голоду въ Индіи и вообще всякимъ крупнымъ бѣдствіямъ, гдѣ бы они ни происходили.

Все это указываетъ на то, что въ человѣческой душѣ заложена способность сочувствовать чужому горю; значитъ, въ ней есть зародышъ братства.

Особенно быстро и сильно разрастается этотъ зародышъ въ томъ случаѣ, если люди связаны между собой какимъ-нибудь большимъ и безкорыстнымъ дѣломъ или какимъ нибудь общимъ несчастьемъ. Тогда если это окажется нужнымъ, всѣхъ соединяетъ истинно товарищеское чувство; тогда каждый, не думая о себѣ, готовъ итти въ огонь и въ воду „за товарища“ или „ради товарищества“. Вотъ это-то и есть **солидарность** въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова.

И въ эти послѣдніе годы среди кровавыхъ ужасовъ войны, среди общаго страданія и горя, а потомъ среди общей радости и возрожденія къ новой и свободной жизни, развѣ всѣ мы и даже весь міръ не чувствовали себя временами братьями въ общемъ горѣ и радости, и развѣ не стало среди насъ больше солидарности?

Да, отдѣльные проблески братства и сейчасъ есть въ жизни; а въ глубинѣ человѣческаго сердца скрыты драгоцѣнныя сѣмена его, ожидающія только благопріятныхъ условій, чтобы взойти и расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ. Поэтому мы можемъ вѣрить, что наступитъ время,

когда люди будутъ скорѣе друзьями между собой, чѣмъ врагами, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ теперь. Тогда немыслимы будутъ ни войны, ни кровавыя междоусобія, ни безпощадная жестокость власти и капитала.

Надо не только вѣрить въ это, но и работать для этого, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Надо шире расчищать и уравнивать путь для всего добраго и свѣтлаго, уничтожая одинъ за другимъ темные источники, откуда вытекаетъ столько несправедливаго, обиднаго и злого. Надо прежде всего устранить ближайшую помѣху для всего добраго: старые, развращающіе людей порядки. Надо бороться противъ голода, тѣсноты, безправія, рабства... Надо бережнѣе относиться къ дѣтямъ, чтобы оскорбительнымъ обращеніемъ не посѣять въ нихъ съ малыхъ лѣтъ грубости, вражды и безсердечія.

А прежде всего надо понять и усвоить себѣ ту истину, что братство, хотя бы и неполное и несовершенное, составляетъ душу жизни: не будь его, вся жизнь превратилась бы въ одну огромную машину,—можетъ быть, и хорошо устроенную, но бездушную, мертвую...

Изъ всего, сказаннаго нами здѣсь о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, можно ясно увидѣть, что они внутренно связаны между собою; не даромъ эти три понятія такъ часто соединяются въ одну нераздѣльную троицу, не даромъ всѣ три ихъ вмѣстѣ больше ста лѣтъ тому назадъ на весь міръ провозгласила великая французская революція.

Въ основѣ всего, какъ начало, какъ необходимое и непремѣнное условіе, лежитъ политическая свобода; безъ нея люди не могутъ выпутаться изъ сѣтей, опутывающихъ ихъ по рукамъ и ногамъ, не могутъ итти впередъ, къ своей завѣтной цѣли.

Но если при этомъ останется во всей силѣ экономическое неравенство, то политическая свобода не сдѣлаетъ людей на самомъ дѣлѣ свободными и независимыми: переставъ быть рабами правительства, они останутся рабами капитала.

А если будутъ налицо и свобода и равенство, но

братства не будетъ и въ поминѣ, то мы будемъ лишены главнаго, что согрѣваетъ жизнь, что придаетъ ей высшую цѣну. Безъ теплыхъ лучей сочувствія, участія, сострадания, безъ искры неподдѣльнаго человѣколюбія не можетъ быть живой жизни и истиннаго, свѣтлаго счастья.

Слѣдовательно, разъ мы хотимъ сдѣлать жизнь человѣчества или народа болѣе разумной, справедливой и счастливой, мы должны помнить, что нельзя безнаказанно пренебрегать ни одной изъ составныхъ частей вышеозначенной „троицы"—иначе или свобода будетъ только дразнить человѣка и казаться ему злою насмѣшкою, или равенство останется красивымъ, но пустымъ звукомъ, или братство будетъ только на языкѣ, а не въ сердцѣ.

Мы такъ привыкли съ самаго дѣтства къ безобразіямъ окружающей насъ жизни, что не въ состояніи представить себѣ, какъ свѣтла, радостна и благородна можетъ быть жизнь, если въ ней царятъ настоящая свобода, а не призрачная, настоящія равенство и братство, а не лицемѣрныя. Если бы мы могли хоть на одинъ мигъ, хоть однимъ глазомъ заглянуть на такую жизнь, то современная жизнь показалась бы намъ послѣ этого сплошной несправедливостью, сплошнымъ безумiемъ и уродствомъ.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ 1976 г.

„Книгоиздательство Задруга".

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6).

Серія первая „Свободный народъ",

(подъ редакціей М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. И. Сыроѣчковскаго).

1. Великіе дни. А. М. Шубертъ.
2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи К. В. Сивковъ.
3. Николай II и его слуги. В. Е. Сыроѣчковскій.
4. Временное правительство. Б. Е. Сыроѣчковскій.
5. Борцы за свободу. М. А. Осоргинъ.
6. Учредительное собраніе. Е. Н. Ефимовъ.
7. Всеобщее избирательное право. Е. М. Побѣдина.
8. Равноправіе женщинъ. Е. Д. Кускова.
9. Выборы народныхъ представителей. А. С. Буткевичъ.
10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ Н. А Кабановъ.
11. Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ.
12. Республика или монархія. Т. И. Полнеръ.
13. Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій
14. Одна или двѣ палаты? Н. А. Кабановъ.
15. Единое государство и союзъ государствъ. А. Ѳ. Саликовскій
16. Польша. И. С. Рябининъ.
17. Украина. С. А. Ефремовъ.
18. Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ.
19. Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.
20. Какъ надо преобразовать церковь. И. М. Громогласовъ.
21. Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій.
22. Свободный народъ. В. А. Розенбергъ.
23. Солдатъ и офицеръ. В. И. Лебедевъ.
24. Новая армія. В. И. Лебедевъ.
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы Е. А. Звягинцевъ.
27. Народное земство. Е. А. Звягинцевъ.

28. Мелкая земская единица или волостное земств
Е. А. Звягинцевъ.
29. Полиція и милиція. П. В. Всесвятскій.
30. Судъ и наказаніе. И. Н. Сахаровъ.
31. Темныя силы (Распутинъ и др.) А. Михайловъ.
32. Романовы въ исторіи. В. В. Филатовъ.
33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ
царей. В. Н. Перцевъ.
34. Пѣсни свободы. И. Н. Розановъ.
35. Отчего загорѣлась великая европейская война
Н. П. Огановскій.
36. Война или миръ? А. С. Буткевичъ.
37. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. К. В. Сивковъ.
38. Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій.
39. Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ.
40. Народъ—хозяинъ А. Б. Петрищевъ.

Цѣна выпуска 20—35 коп.

Серія вторая „Земля—народу."

Въ эту серію включаются слѣдующія популярныя книг
Н. П. Огановскаго.

1. Земельный вопросъ въ Учредительномъ Собран
2. Земельный вопросъ и земельная политика.
3. Война и земельная кооперація.
4. Откуда наша земельная нужда (Исторія земельн
го вопроса съ конца XVIII в.)
5. Русская деревня во время войны.
6. Мірское хозяйство на всенародной землѣ.
7. Земельный комитетъ и всероссійская поземельн
перепись.
8. Хлѣбъ—всенародное достояніе.

Цѣпа выпуска 20—35 коп.